

УДК 811.161.-112'36

UDC 811.161.-112'36

**ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ ПЕРВЫХ
СЛАВЯНСКИХ ГРАММАТИСТОВ (НА
МАТЕРИАЛЕ ГРАММАТИК ЛАВРЕНТИЯ
ЗИЗАНИЯ И МЕЛЕТИЯ СМОТРИЦКОГО)¹**

**LINGUISTIC PERSONALITY OF THE FIRST
SLAV GRAMMARIANS (ON THE MATERIAL
OF GRAMMARS BY LAVRENTIY ZIZANIY
AND MELETIY SMOTRITSKIY)**

Арискина Ольга Леонидовна
к.филол.н., доцент

Olga Leonidovna Ariskina
Cand.Philol.Sci., assistant professor

Дрянгина Елена Анатольевна
Преподаватель
*Мордовский государственный университет им.
Н. П. Огарёва, Саранск, Россия*

Yelena Anatolievna Dryangina
teacher
*Mordovian N.P. Ogaryov State University, Saransk,
Russia*

Статья посвящена анализу языковой личности
авторов первых славянских грамматик – Лаврентия
Зизания и Мелетия Смотрицкого

The article deals with the analysis of the linguistic
personality – the authors of the first Slav grammars –
Lavrentiy Zizaniy and Meletiy Smotrinskiy

Ключевые слова: ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ,
ГРАММАТИКА, УЧЕНЫЙ, ВЕРБАЛЬНО-
СЕМАНТИЧЕСКИЙ УРОВЕНЬ, ЛИНГВО-
КОГНИТИВНЫЙ УРОВЕНЬ,
ПРАГМАТИЧЕСКИЙ УРОВЕНЬ

Keywords: LINGUISTIC PERSONALITY,
GRAMMAR, SCIENTIST, VERBAL-SEMANTIC
LEVEL, LINGUISTIC-COGNITIVE LEVEL,
PRAGMATIC LEVEL

В конце XX в. гуманитарные науки начали активно приобретать антропоцентрическую направленность. Лингвистика не стала исключением.

В языкознании весьма актуальны работы, связанные с исследованием языковой личности (Г. И. Богин 1984 [3], Ю. Н. Караулов 1987 [10], В. П. Конечкая 1997 [13], О. Б. Сиротина 1997 [23], Т. В. Кочеткова 1998 [14], С. Г. Воркачев 2001 [5], Л. Н. Колесникова 2001 [12], В. И. Карасик 2002 [9], К. Ф. Седов 2004 [21], В. П. Нерознак и И. И. Халеева 2005 [17] и др.).

Под языковой личностью понимается совокупность способностей и характеристик человека, обуславливающих создание и восприятие им речевых произведений (текстов) [10].

За последние годы были проведены лингвистические исследования в

---

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта Президента РФ для молодых ученых (МК-2530.2011.6 «Терминологический аппарат учения о морфемике и словообразовании как показатель уровня развития русской лингвистической мысли (XVI – XVIII вв.)»).

аспекте изучения языковой личности политического деятеля (Е. В. Бакумова 2002 [1]), государственного служащего (М. Н. Панова 2004 [18]), телеведущего (Г. Н. Беспамятнова 2002 [2]), бизнесмена (Тупицына 2000 [24]), переводчика (О. Н. Шевченко 2005 [26]), писателя (З. С. Саджи-Гаряева 2001 [20], Н. Н. Менькова 2004 [16], Н. А. Гончарова 2007 [6]), интеллигента (Л. П. Крысин 2001 [15]), царя (С. А. Шилина 2003 [27]), учителя (И. В. Сентенберг 1993 [22], Е. А. Дрянгина 2011 [8]), ученого (В. Я. Парсамова 2004 [19]) и др.

На наш взгляд, особый интерес представляют труды, посвященные языковой личности лингвистов, М. В. Ломоносова (Э П. Карпеев 2004 [11], С. Св. Волков 2006 [4]) и В. В. Виноградова (И. А. Федорченко 2002 [25]), труды, посвященные людям, сыгравшим важнейшую роль в развитии русской языковедческой науки. Однако сразу заметим, что подобных исследований очень мало. К тому же нам не встретилось ни одной работы, касающейся изучения языковой личности ученых доломоносовской эпохи, первых славянских грамматистов, лингвистов, стоящих у истоков отечественного языкознания. Мы не раз писали о научной и человеческой несправедливости, связанной с забвением многих имен, благодаря которым происходило становление науки.

Данная статья ставит своей целью проанализировать языковую личность Мелетия Смотрицкого и языковую личность Лаврентия Зизания. Все сказанное выше свидетельствует о новизне, актуальности и значимости предпринятого нами исследования.

В процессе анализа мы будем опираться на единичный текст, поэтому в данном случае целесообразнее говорить не о языковой личности человека вообще, а о языковой личности автора конкретного произведения. Таким образом, анализироваться будет, например, не языковая личность М. Смотрицкого, а языковая личность автора «Грамматики» М. Смотрицкого.

Ю. Н. Караулов – один из основоположников теории языковой личности – предлагает два основных варианта исследований данного аспекта. Один из них основывается на полноте описания, другой – на системности. При анализе языковых личностей первых грамматистов предпочтительнее остановиться на втором, так как в данном случае «объектом изучения становится какой-то фрагмент словаря или грамматического строя» и полнота числится «по ведомству неосуществленной потенциальности» [10, 84].

При изучении грамматических трудов М. Смотрицкого и Л. Зизания значительную помощь исследованию оказали «Указатель приведенных примеров», «Указатель грамматических терминов» и «Указатель идентифицированных цитат из Библии» (только в грамматике М. Смотрицкого), составленные Е. А. Кузьминовой [7, 15 – 127; 471 – 517]. Данные списки позволяют рассмотреть состав вербально-семантического уровня языковой личности М. Смотрицкого и Л. Зизания. В то же время экстралингвистическая информация об авторах дает возможность с опорой на нулевой уровень установить иерархию смыслов, ценностей в их картине мира (лингво-когнитивный уровень), выявить мотивы и цели (прагматический уровень).

Ядро вербально-семантического уровня языковой личности М. Смотрицкого, в первую очередь, представлено большим количеством терминологической лексики по каждому разделу: орфография – *долгое², краткое гласное, сугубое согласное, двовременное / общее двогласное изменяемое* и т. д.; просодия – *просодия орфографийная, ударение, оксия / острая, вария / тяжкая, умягчатися* и т. д.; этимология – *собственное, нарицательное имя, страдательный залог глагола, притяжательное/*

---

² Цитаты из первоисточников по техническим причинам приводятся с небольшими изменениями: титло не используется, старославянские «юсы» и под. заменены современными графическими знаками, вместо буквы «ять» используется буква «е».

отчеименное прилагательное, указательное, возносительное местоимение, член / различие, простое начертание, сложное начертание, пресложное начертание, отечественный, властелинный, языческий, оумалительный, оуничжительный и т. д.; синтаксический раздел – *предложение, подчинное, предчинное указание (знаменованье) наречия* и т. д. Все это доказывает, что мы рассматриваем профессиональную языковую личность филолога.

На представление о языке в картине мира М. Смотрицкого (лингво-когнитивный уровень) большое влияние оказали античные образцы. Ценностные ориентации ученого проявились в том, что славянский язык он считал равным классическим. Потому и в качестве модели описания были выбраны грамматики греческого и латинского языков (прагматический уровень), причем большее тяготения наблюдается к греческому канону грамматического описания. Стремление к преемственности, например, проявляется в сохранении «лишних» букв кириллицы. Автор так формулирует свою позицию относительно следованию иноязычным орфографическим образцам: *«Опасно прочее блюдомо буди: во греческих речениях орфографии Греческой/ в Латинских латинстей хранимей быти: и во еврейских еврестей. Яко Даниил/ Михаилъ/ Мартинъ/ Филофей: и про»* [7]; в искусственной грамматикализации (различие имен в инфинитиве). Еще раз заметим, что для М. Смотрицкого подобная грамматическая кодификация была средством подчеркивания достоинства славянского языка, его соотнесения с другими классическими языками.

Второй обширнейший пласт слов представлен религиозной лексикой. Интересен ее состав. Можно выделить обращения: *авва, Адонай, Богородица, Бог, Бог мой, Боже всесилне, Господь, Иисус, Мариа, Мессиа, Христос*, в том числе и многословные конструкции *предстателница верных и помощница, избавитель всего мира, утешитель душ*

человеческих; имена собственные: Авель, Адам, Анания, Архелай, Ева, Сарра, Михаил, Гавриил, Даниил, Елисей, Иеремия, Илия, Иоанн, Иоиль, Иона, Исаия, Иуда, Кирилл, Левий, Марфа, Матфей, Моисий, Ной, Павел, Петр, Раав; обозначение «атрибутов» веры: апокалипсис, артос, вериги, икона, евангелие, елей, гроб, дискос, заповедь, крест, миро, мощи, алтарь, попечение, потирион, псалом, тропарион, утренюю, церковь; наименования церковных служителей: вратарь, епископ, жрец, дефенсор, инарх, пастырь, патриарх; слова с общерелигиозной семантикой: анафема, ангел, ангельский лик, благодарение, душа, заповедь, догма, святость, святыня, христианин и др.

Наличие большой группы слов с религиозной семантикой объясняется несколькими причинами. Во-первых, книжно-славянский язык был, прежде всего, языком церкви. Это определялось национально-культурными традициями и господствующей в обществе идеологией. Таким образом, наличие религиозной лексики в структуре описываемой языковой личности – это проявление национального характера. И хотя обучение славянскому языку предполагалось вести не многократным прочтением образцовых текстов, а посредством осознания учащимися системы языка, тем не менее, в качестве «учебной литературы» автор указывает Часослов и Псалтырь, *«которые опусканы бытии не мают»* [7, 134].

Во-вторых, вся жизнь М. Смотрицкого была неразрывно связана с церковной деятельностью. Начальное образование он получил в православной школе в Остроге под непосредственным руководством отца (ректора Острожской коллегии) и грека Кирилла Лукариса, впоследствии Константинопольского патриарха. Для продолжения образования был послан князем Константином Константиновичем Острожским на философский факультет Виленской иезуитской академии, где учился с 1594 по 1600 год (по другим данным, в 1601 – 1604 годах). С 1601 года,

после Лаврентия Зизания, стал духовным наставником молодого белорусского князя Богдана Богдановича Соломерецкого. Вместе с ним отправился в Западную Европу для усовершенствования в науках — в Лейпцигский и Виттенбергский университеты, где тогда господствовали идеи Лютера, Кальвина, Цвингли. В 1607 году вернулся на родину и около 1608 года отправился в Виленское православное братство при монастыре Святой Троицы. С 1617 был учителем в местечке Евье (теперь Вевис) в 40 км от Вильны, преподавал там «свободные науки» и славянский язык. В 1617 году пострижен в монашество архимандритом Леонтием. С 1618 по 1620 годы он был ректором в Киевской братской школе. В 1619 году в Евье была напечатана "Грамматики славенския правилное синтагма...». Таким образом, вера составляла неотъемлемую часть его жизни, соответственно подобный экстралингвистический фактор не мог не отразиться на структуре языковой личности М. Смотрицкого, как на вербально-семантическом уровне (религиозная лексика входит в его ядро), так и на лингво-когнитивном. Ценностное отношение проявилось в приведении в качестве примеров следующих цитат (всего Е. А. Кузьмина приводит 159 идентифицированных цитат из Библии): «*Господи и владыко животу моему*» [7, 396]; «*Кто Бгъ велий яко Бгъ наш*» [7, 412]; «*Возлюбиии Гда Бга твоего вс мь сердцем твоим / и всею дшею твоею*» [7, 422]; «*един Бгъ / и едина вера едино крещение*» [7, 423]; «*Ни о чесом же толико радуется Бгъ / елико о члвческом исправлении и спасении*» [7, 441] и т. д.

Кроме того, отбор цитат, приведение примеров в «Грамматике» М. Смотрицкого выявляет отношение автора к дружбе: «*Другъ известен в неизвестне вещи познавается*» [7, 390], «*Другу верну несть измены*» [7, 393], «*Другъ верень утешно есть и полезно*» [7, 453]; к богатству и бедности: «*Лучше нищъ праведень / неже богатъ ложь*» [7, 392], «*Кий миръ иене со псом и кий миръ богатому со убогим*» [7, 412], «*Аще хочещи*

совершенъ бытии / иди продаждь имения твоя / и даждь нищим, и имети будещи сокровище на нбси» [7, 413], «Богатство многимъ зломъ есть покровъ» [7, 415], «Нищету носити терпеливно, не коегождо / но мужа мудра» [7, 435]; очерчивает круг отрицательных и положительных качеств человека: «безумие твое / презоръ / и гордость тяготна ми есть» [7, 391], «Гневъ / ярость / и памятозлобие вредна суть» [7, 391], «Сластолюбие есть удица диавола влекущая во погибель» [7, 415], «Нищета / чистота / и послушание спасаетъ Иноки» [7, 414], «хощу та житии животъ честень и блгочестивъ» [7, 426], «Любве добродетель и в неверных / честно есть и похвално» [7, 453].

Интересно, что и указатель примеров включает большой список слов, обозначающих речевую сферу (*величаю, вопль, воспеваю, витий, вещаю, глаголь, глаголю, глашаю, зову, кликну, кличь, молвю, молчу, молюся, обличаю, поведая, плиць, поношает ми, пою, прошу, реку, ругаюся, рыкну, славлю, увещаваю*), и цитаты, развернутые примеры передают оценку автором речевой деятельности: *«Верно слово и всякаго приятия достойно» [7, 394], «Сотове медовнии словеса добра, сладкость же ихъ исцеление дши» [7, 415], «Удержи язык свой от зла / и устне свое еже не глати лсти» [7, 429], «Слово изшедшее из усть / возвратити несть мощно» [7, 435].* Это снова характеризует языковую личность М. Смотрицкого с профессиональной стороны.

Важной ценностью для М. Смотрицкого является семья. На этот факт указывают и отдельные слова, посвященные данной тематике, которые автор отобрал в качестве примеров (*анепсий, бракъ, братъ, вой, дитя, доилица, дщерь, жена, женище, мать, отецъ, отчий, отроковица, отрокъ, порекло, свекровь, свойство, сердобола, сноха, сынъ, ужика* и др.), и развернутые высказывания: *«Чти отца твоего / и мать твою» [7, 418], «Отець и мати честна ми еста: и, Братъ / сестра / и чадо любезни ми суть» [7, 391], «Аще жена пуститъ мужа своего / и посагнет за инаго*

/ прелюбы творит» [7, 411], «Чадо, заступи во старости отца твоего / и не оскорби его в животе его» [7, 426], «Чтый отца / очиститъ грехи, и яко сокровищуяй / прославляй мать свою» [7, 437].

Несомненно, М. Смотрицкий был образованнейшим человеком своего времени. Причем его познания не ограничивались лишь областью филологии. Грамматика показывает, что он хорошо знал мифологию (*Крон, Зевс, Ермий, Афродита, Ира, Артемида, Ахиллес Диана, Эрато; Циклоп, Минос, Одиссей, Орфей, сирин*); историю (*Дарий, Димосфен, Иосиа, Менелай, Платон, Птолемей, Филипп, Юдифь*); географию (*Адрианопол, Афины, Вилно (Вилнянин, Вилняныни), Гай, Грециа (Грек, Грециа), Египтянин (Египтяныни), Еламитин, Иерусалим, Италия, Иудеа (иудей), Константинополь, Коринфянин, Лвов (Лвовянин, Лвовяныни), Ливиа, Литавиа, Палестина, Римлянин, Россия, Самаряныни, Фавор, Фивы; река Иордан, Афон гора*).

В ядро языковой личности М. Смотрицкого входит и оценочная лексика. Подобных слов, дающих положительную и отрицательную оценку, относящихся к разным частям речи в «Указателе приведенных примеров» достаточно много. Перечислим лишь некоторые из них. Положительная оценка: *блгодать, великий, вяциий, гоже есть, гой, добродетель, добръ, достоинъ, дужий, законный, изрядный, истинно, красенъ, кроткий, крепко, лучший, лепо есть, летъ есть, любезенъ, млрдие, мир ти, многообразне, мудрость, оплотъ, право, премудрый* и др. Отрицательная оценка: *безместно, беда, всуе, гибель, гнушайся, горший, жестокъ, злобожно, злодей, измена, клеветникъ, ласкатель, лстець, лукаво, любодей, пакощу, пияница, презорливъ, прелестъ, прелюбодей, проклятый, сквернодей* и др.

Выделяется группа слов, обозначающих эмоциональные проявления: *гневаюся, гордыня, горе, горчею, дерзость, дивлюся, дму, доволенъ, желаю, зависть, люблю, мцю, ненавистенъ, печаль, плачу, прощаю,*

радость, ревность, сверепею, скорбь, смеюся, страсть, стыжуся. Можно предположить, что подобная лексика характеризует языковую личность М. Смотрицкого как равнодушную к окружающей действительности, анализирующую и оценивающую ее.

На периферии языковой личности ученого находится нейтральная лексика, состав которой также очень разнообразен: названия птиц и животных (*аспидъ, врань, делфинъ, елени, еродий, ехидна, зельв, иена, китъ, конь, крагуй, крокос, ластовица, мышь, орель, осель, панфиръ, петель*); месяцев и времен года (*априль, лето, май, мартъ*); предметов домашнего обихода (*блюдо, брашно, бель, ведро, вервь, вещь, гусль, дверь, делва, здо, катапетасма, колесо, кровь, ладия, ложе, ометы, ручка*); числительные (*два, двадесать, двой, двести, девяносто, девятсот, девять, единнадцать, осмдесят, осмь*); обозначение времени (*время, вспять, вчера, вечный, день, днесь, древле, присно, рано, утро*); природных явлений (*ворей, голоть, дебрь, дождь, древо, земля, зефиръ, зной, слань, слнце, югъ*), материалов (*древяный, железный, золотый, каменный*) Подобная лексика хоть и обширна, но не представляет для нашего исследования большого интереса, так как мало раскрывает особенности конкретной языковой личности.

В «Грамматике» М. Смотрицкого встречаются и слова, связанные с медицинской тематикой (*болею, врачую, врачъ, гной, зачать, зелие, каркинъ, ложесна, огонь, ползую*; обозначение частей тела: *выя, гортань, лядвия, око, перси, персть, плещи, плоть, ребро, рука, сердце, тело, уста, ухо*). Можно предположить, что таким образом на языковую картину мира ученого повлияло получение ученой степени доктора медицины.

Итак, ядро вербально-семантического уровня в структуре языковой личности М. Смотрицкого как автора «Грамматики» представлено терминологической, религиозной, оценочной лексикой. В качестве основных ценностей лингво-когнитивного уровня выступают язык, вера,

семья. На прагматическом уровне реализуются следующие цели: 1) передать знания, «*Научить / мовлю / и читати по Славенску / и писати розделне / и чтомое вырозумевати лацно*» [7, 133]; 2) описать славянский язык по модели греческого и латинского, подчеркнув тем самым их равный статус.

Нарушение хронологического порядка при описании языковых личностей М. Смотрицкого и Л. Зизания связано с тем, что они во многом сходны, но материал для анализа первой представлен гораздо полнее.

Для вербально-семантического уровня языковой личности Л. Зизания как автора «Грамматики славенской» также характерно наличие большой группы терминов (*безличный глагол, вопросный союз, глагол, звательный падеж, изъявительное значение, краткое гласное, нескланяемая часть слова, острая оксия, причастие, рифма, согласное письмо, стропотный глагол, титла, умалительный образ, числительное имя, простое начертание, сложное начертание, пресложное начертание, первообразный вид, производный вид, положенный, разсудный, превысший, значащая часть, рассуждение, подобоначертательное – стропотное*).

Следует заметить, что прагматический уровень и языковой личности Л. Зизания и языковой личности М. Смотрицкого будет характеризоваться стремлением к семантизации знаков письма и к орфографической дифференциации омонимичных грамматических форм. Так, например, в грамматике М. Смотрицкого под титлом с пропуском ряда букв допускалось написание только сакральных слов, в грамматике же Л. Зизания титло являлось показателем сокращенного написания и слов несакрального характера.

Однако религиозная лексика представлена достаточно объемно (*аминь, бгъ, бжие, госпode, заповедь, иерей, Илия, Иоанъ, Исаакъ, Иаков, Мария, Марфа, сть, спасе, христе* и др.); также, как и оценочная (*беззаконие, въскую, грешникъ, злоба, лицемеръ, Лукавную, наветую,*

обличникъ.; благо, благочинне, воистину, добродетель, добрый, достоинъ, истинный, любезно, милосердие, мужественъ, подобаетъ, праведно, превелие и др.). Соответственно характеристики остаются схожими: перед нами профессиональная национальная языковая личность, стремящаяся оценить окружающий мир.

«Грамматика славенская» и «Указатель приведенных примеров» небольшие по своему объему. Выделение семантических групп слов и определение их роли в структуре языковой личности автора затруднительно. Однако для сравнения можно указать, что среди примеров встречается лишь одно название животного (*конь*), очень мало наименований предметов (*врата, гумно, дверь*), медицинской лексики (*гной, ползую, рана, рожду*; части тела: *кость, нога, око, плоть, рука, уста*), немного больше обозначений времени (*время, вчера, дне, древле, утро*) и природных явлений (*буря, весна, вода, ветръ, древо, земля, море, снег* и т.д.).

Однако если сравнивать языковую личность Л. Зизания с языковой личностью М. Смотрицкого, то первую характеризует гораздо более обильное использование лексики, обозначающей речевую деятельность (*возвышаю, возглаголю, въплъ, въпрошаю, глго, гласъ, глашу, изветую, молвлю, молю, обличаю, посрамляю, пою, просве, прославляю, прошуцаю, реку, славлю, хвалю, хулю* и т.д.). То, что автор счел необходимым ввести слова данной группы в свой сравнительно небольшой текст, уже можно рассматривать как проявление ценностного отношения к речи, слову, языку. Это проявилось и в подборе эпитетов: «...*всем любителем доброглаголиваго и пространънаго словеньскаго языка*» [7, 31], «*любезнешаго словенскаго нашего языка*» [7, 32]; и в стремлении Л. Зизания, как и М. Смотрицкого, обозначить славянский язык равным по статусу с классическими языками и описать его по соответствующим моделям, правда, с заметным тяготением к латинскому языку.

Языковые картины мира М. Смотрицкого и Л. Зизания сходны также в том, что, судя по текстам грамматик, большое место в них занимает семья. В работе Л. Зизания встречаются следующие слова с данной семантикой: *дщерь, едиnorodный, жена, колено, мати, мужь, невестникъ, отецъ, отроча, снь*.

Различие между двумя грамматистами в том, что в качестве еще одной доминантной ценности для Л. Зизания выступает личность ученика. На данный факт указывает и адресованность грамматики: «*Послание студеом*» [7, 31], «*Стихи къ младенцемъ въвъдящи их на дело*» [7, 33], и обращение к ученикам «*здравствуйте, но неболезнуйте о Друзи*» [7, 32], «*не чудися възлюбленны мой друже*» [7, 99], «*Приймите друзи мои възлюбленнии вдячне...*» [7, 113]. Л. Зизаний не просто излагает материал, а стремится к тому, чтобы он был обязательно усвоен. На прагматическом уровне это проявилось, например, в том, что «систему словоизменения Л. Зизаний описывает только посредством представления «образцовых» парадигм, задавая тем самым грамматический инвариант славянского языка (т. е. то, что должно быть усвоено учащимися)» [7, 15]. В качестве модели построения выбрана вопросно-ответная форма, которая была признана наиболее доходчивой. Кроме того для языковой личности Л. Зизания характерно совершенно осмысленное использование двух метаязыков. Правила изложены на славянском, а толкование их на «простой мове», чтобы материал был понятен даже неподготовленным читателям: «*Слогъ есть, снитие гласнаго съ съгласнымъ*» и «*Слогъ есть кгдаься зыйдутъ две писме, едино съгласное а другое гласное*» [7, 36 – 37]. Таким образом, можно говорить о языковой личности Л. Зизания не только как филолога, но и учителя. В качестве экстралингвистического фактора, повлиявшего на подобное формирование языковой личности можно указать преподавание Л. Зизанием словесных наук во Львовском,

Брестском и Виленском братских училищах, совпавшее по времени с написанием «Грамматики словенской».

С педагогической составляющей языковой личности Л. Зизания связано и стремление изложить теоретический материал в образах: грамматика – *«Ключем бо есть отворяючи всеем умъ, къ познанию въ преправы разумъ»* [7, 31]; *«... але наставницу добру словенскому языку»* [7, 33], *«А съгласная, котории з себе голосу выдати, и без гласныхъ нечого справовати не могутъ. Якъ и тело без дше не дествует. И тело убо бездино суще, ниже движется ниже живетъ. Дша же и без тела движется и живет. Также и съгласная писмена, ниже глас даютъ, ниже слогъ съставити могутъ о себе, но токмо съ гласными»* [7, 34]. Что опять же свидетельствует о стремлении автора «говорить» доступно и образно.

Итак, сходными чертами языковых личностей Л. Зизания и М. Смотрицкого являются доминирование на вербально-семантическом уровне терминологической, религиозной, оценочной лексики, слов со значением родства. Все это указывает на ценность языка, веры, семьи в языковой картине мира ученых. Однако для Л. Зизания характерна также направленность на личность ученика. Характерными чертами прагматического уровня языковой личности Л. Зизания и М. Смотрицкого являются стремления подчеркнуть значимость славянского языка, передать систему знаний о нем. В то же время Л. Зизаний стремился повысить степень усвоения грамматики использованием образов, толкований на доступном языке, вопросно-ответной формы. Таким образом, если языковую личность М. Смотрицкого можно охарактеризовать, в первую очередь как языковую личность ученого-филолога, то языковую личность Л. Зизания – как языковую личность ученого-филолога и педагога.

Список литературы

1. Бакумова Е. В. Ролевая структура политического дискурса: Автореф. дисс. ... канд. филол. н. Волгоград, 2002. 20 с.

2. Беспмятнова Г. Н. Языковая личность телеведущего в рамках риторического этоса (на материале игровых программ): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2002. 20 с.
3. Богин Г. И. Модель языковой личности и ее отношение к разновидностям текста: Автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. Л., 1984. 24 с.
4. Волков С. Св. Языковая личность XVIII века: корпусное представление 9информационная система «Весь Ломоносов») // Мат-лы III Междунар. науч. конф. «Прикладная лингвистика в науке и образовании», 16-17 марта 2006. СПб, 2006. С. 36 – 38.
5. Воркачев С. Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании // Филологические науки. 2001. № 1. С. 64 – 72.
6. Гончарова Н. А. Ономастическое пространство как проявление языковой личности автора: на материале произведений С. Н. Сергеева-Ценского: Дисс. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2007. 189 с.
7. Грамматика Лаврентия Зизания и Мелетия Смотрицкого / сост., подг. текста, науч. коммент. и указ. Е. А. Кузьминовой; предисл. Е. А. Кузьминовой, М. Л. Ремневой. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2000. 528 с.
8. Дрянгина Е. А. Обучение студентов-филологов ассоциативно-образным средствам репрезентации языковой личности учителя: Автореф. дисс. ... канд. пед. наук. Ярославль, 2011. 21 с.
9. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.
10. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987. 263 с.
11. Карпеев Э. П., Волков С. Св. «М. В. Ломоносов: словарь языковой личности»: проспект словаря // Лексикография – 2003. СПб, 2004. С. 9 – 19.
12. Колесникова Л. Н. Языковая личность в аспекте диалога культур. Орел, 2001. 287 с.
13. Конецкая В. П. Социологии коммуникации [Электронный ресурс] / В. П. Конецкая. Режим доступа: http://www.i-ru/biblio/archive/koneckaja_sociologija/
14. Кочеткова Т. В. Языковая личность в лекционном тексте. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1998. 216 с.
15. Крысин Л. П. Современный русский интеллигент: попытка речевого портрета // Русский язык в научном освещении. 2001. № 1. С. 90 – 107.
16. Менькова Н. Н. Языковая личность писателя как источник речевых характеристик персонажей: По материалам произведений Б. Акунина: Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2004. 175 с.
17. Нерознак В. П., Халеева И. И. Языковая личность // Эффективная коммуникация: история, теория, практика: Словарь-справочник. М., 2005. С. 587 – 591.
18. Панова М. Н. Языковая личность государственного служащего: опыт лингвометодического исследования. М.: Изд-во РУДН, 2004. 322 с.
19. Парсамова В. Я. Языковая личность ученого в эпистолярных текстах: на материале писем Ю. М. Лотмана: Дисс. ... канд. филол. наук. Саратов, 2004. 223 с.
20. Санджи-Гаряева З. С. Языковая личность Андрея Платонова через призму языковой игры // Русский язык: исторические судьбы и современность: Труды и материалы Международного конгресса исследователей русского языка. М., 2001. С. 118 – 132.
21. Седов К. Ф. Дискурс и личность. М.: Лабиринт, 2004. 317 с.
22. Сентенберг И. В. Языковая личность в функциональном аспекте // Проблемы формирования языковой личности-русиста. Волгоград: Перемена, 1993. С. 11 – 12.

23. Сиротинина, О. Б. Языковая личность и факторы, влияющие на ее становление // Термин и слово. Межвузовский сборник, посвященный 80-летию профессора Б. Н. Головина. Н. Новгород, 1997. С. 7 – 12.
24. Тупицына И. Н. Лексико-семантические особенности речевого образа предпринимателя в устном деловом дискурсе: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Ульяновск, 2000. 21 с.
25. Федорченко И. А. метафорическая и метатекстовая константы языковой личности академика В. В. Виноградова: Дисс. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2002. 246 с.
26. Шевченко О. Н. Языковая личность переводчика: на материале дискурса Б. В. Заходера: Дисс. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2005. 255 с.
27. Шилина С. А. Языковая личность Ивана IV: на материале документов XVI – XVII веков: Дисс. ... канд. филол. наук. Брянск, 2003. 232 с.